
Артем ТРЕТЬЯКОВ

Лирика из книги стихов
и малой прозы
«AFTER-P — XXI»

**в ожидании зимы
(из цикла «новый апокалипсис»)**

Порою шар, холодный наш приют...

карандаш на фарфоровом блюде

упадет: начинает клониться...

мы не полые люди —

люди с отколотыми лицами:

не более чем наполовину

и не менее чем живые,

но ровно настолько, чтобы остаться *чужими*

для пространства, что пишет картину

за окном. остывает планета,

словно чай (кипятка не досталось?).

от железного уральского лета

остаются любовь и усталость.

языки — братья-сестры, кухни —

полуистину, память и сны

собирают, как листья в корзины,

запасают в преддверии зимы;

изукрашенная цивилизация

видит путь в три десятка ли...

ожиданье сродни флуктуациям

магнитного поля Земли

Артем Вячеславович Третьяков родился в Свердловске в 1982 году. Кандидат филологических наук. Печатал стихи в журналах «Урал», «Новая реальность», «Зинзивер», «Нева», публиковал прозу в портале «Мегалит», поэтические переводы с английского в журнале «Зарубежные записки», издательстве «Omni Scriptum» (2019) и японского (в соавторстве с М. С. Третьяковой) в журналах «Иностранная литература», «Новая реальность», «Зарубежные записки», а также литературно-критические статьи в журнале «Литература». Живет в Екатеринбурге.

Из цикла «двойка Наде»

я провожу вас до опушки

Л. Кэрролл

о рыцарь прозрачной печали,
ты бродишь меж строк недопетых,
где в сумерках сосны качались
большим отражением ветра.

а здесь любят снег, замедляет;
не знаю, не помню, а где-то,
так, просто, навстречу трамваю
по рельсам шла тень с арбалетом
украсть у трамвая ребенка
(зеленые крючки метки);
пусти замухрышку-девчонку
гулять на девятую клетку!..

и волос порвется ли тонкий? —
я соснам тот звон отнесу,
а рыцарь все ищет слоненка,
что бегал в волшебном лесу

kitayama-ohashibridge

Люди редки
в здешних краях — и редко
падают листья...

Кобаяси Исса

я отец, или мать, или сын,
я устал работать один,
продираясь из чрева, тугого, знакомого
(из клише и цитат), головой и хитином пластин,
языком,
что, как рыба, вывалил спину
наружу;
он выпал, как старая кожа и тина,
и рождается — бедный, но новый.

опустевшая кровь. Маша, сделай укол! —
голоса мертвецов (в потолок или пол
я роняю лицо
и увечу родных,
свою совесть — стойким кандальным уродом):

если выцвел твой стих —
это время заняться художественным переводом.

А ты плачешь на том берегу.
Мост горбатый согнется в дугу.
Что еще в этой крови сокрыто?..
Подари меня

ПИСЬМА В КОСМОС

...Будешь долго падать, руки по швам; но не
воспоследует всплеска.

И. Бродский

соскребая под кожей усталость
и лапкой жуя паутину,
под паучьим яйцом на спине,
со свечой на столе
человек, вызывающий жалость
и страх, желанье давить, расплетает картину:

не в поклон нашим бардам покойным,
не в укор ЖКХ, копейки считая с семьей,
но в попытке дышать под землей,
репетируя смерть, как возможность остаться спокойным,

забираясь на жердь,
в зимний космос,
качаясь на ней
мимо холода, тьмы (голосов) и летящих камней,

собирая по капле потец,
как планеты в темнеющем лбу...

*это музыка сфер помогает менять
положение тела в гробу*

кобра в часах (из цикла «новый апокалипсис»)

...Соединив две равные доли дня,
нежит тебя в объятьях богиня Маат
Книга Мертвых

...У всего предел, в том числе у печали <?>
И. Бродский. К Урании

маятник, маятник, теперь амплитуда
не терпит повторения колебаний:
«треск балалайки (pogonim) несите отсюда!
дайте же длинный гриф и жилы для ульчи камланья!»

колупая из памяти онкопаршу и усталость,
я смотрю между струн в темноту, что осталась:

древний Египет — гимн математике, кол обелиска
в космос, который молчит и стирает лица;
а потом шахматист с папиросой, с глазами лунатика
никому не ответил, что хаос и есть математика.

Иосиф, скажите, если Урания стала танцующей коброй,
вместо ответов-вопросов дающей у м н о ж а е м о е «и»,
сможет ли Тихий океан быть еще и добрым,
можно ли уповать на спасение чьей-то любви?

**антигимн человечеству
(из цикла «новый апокалипсис»)**

Тревога — это глубина в подлинной трансгрессии
Ж. Батай

В данной системе сама смерть
сверкает своим отсутствием [?]
Ж. Бодрийяр

мой лес здесь, под живым разноцветным дождем,
коронованный стронцием, в шали из капель солярки,
и деревьям так тесно, что шепчут друг другу: «пойдем» —
хоть куда, в слепоту, потому что слепого не жалко.

теснота, коридор, теснота, коридор
(свято место едва ли пустует);
только взрыв, столкновение, воры и мор
нам напомнят, что мир существует

там,
где дом, при падении дарящий профиль Лица —
сор из листьев и лиственницы игла (лети!),
обращенные ветром в паденье, свободное до конца,
потому что не будет земли